

Сюэ Шэн пулей вылетел за ворота и только под лучами яркого солнца почувствовал себя в безопасности.

«Хорошо, что вовремя ноги унес», — подумал он. ...Погодите. Что-то тут не так!

Он проделал такой путь, преследуя мужа, чтобы забрать свое добро, а в итоге уходит с пустыми руками, поджав хвост? Сюэ Шэн заскрежетал зубами, лицо его исказилось от ярости. «Ах ты, паршивец! Решил меня запугать? Покойниками решил стращать? Не на того напал!»

Он резко развернулся всем своим грузным телом и решительно зашагал обратно. Проносясь мимо Чжуан Синьли, он одарил его испепеляющим взглядом. Синьли, увидев, что его «половина» снова рвется в бой, не на шутку встревожился и бросился вдогонку:

— Ты куда это вернулся?!

Сюэ Шэн бежал быстро, и Синьли не успел его перехватить. Е Цзюньшу как раз собирался закрыть ворота, когда в проем ворвалась массивная фигура, грубо оттолкнув его в сторону. Едва восстановив равновесие, Цзюньшу узнал спину своего цзю-му, которого он с таким трудом только что выпроводил. Тот даже не глянул на племянника, целеустремленно несясь прямо в дом.

Опасаясь, что этот человек напугает младших, Е Цзюньшу поспешил следом.

В главном зале Сюэ Шэн уже сидел на корточках между двумя корзинами, яростно перерывая их содержимое и не переставая ворчать:

— ...Ну надо же! И куртки, сшитые этим старым хрычом! Я и не знал, что он припрятал столько добра. И столько обуви настроил?! На еду собственному внуку скупится, а для внуков гэра ему ничего не жалко, ха!

Сюэ Шэн в бешенстве выкидывал вещи из корзин, глаза его метали молнии. Он-то думал, что Синьли притащил только немного зерна, а тут — и одежда, и обувь! Неудивительно, что тот (свекровь) в последнее время постоянно запирался в своей комнате и носа не показывал, жалуясь на одышку и слабость. Оказывается, он всё это время шил наряды и мастерил подошвы для своих любимчиков!

Е Цзюньшу замер в дверях, не зная, стоит ли вмешиваться. Подоспевший Чжуан Синьли, увидев, какой беспорядок устроил Сюэ Шэн, бросился вырывать вещи из его рук.

В голосе дяди прорезался гнев:

— Это подарок от их вайпо! Не смей это трогать!

— Тьфу! Какой еще подарок? Раз он такой заботливый, что же моему сыну ничего не сшил?

— Не сшил?! Да вся одежда и обувь на тебе и на детях — чьих рук дело, если не моего аму? Ты-то сам хоть раз иголку в руках держал?

— И что с того? Не умею я шить, и что? Ты об этом знал еще до того, как мы с тобой узы связали! Если не нравилось — не надо было со мной брачеваться! Слушай меня, Чжуан Синьли: если ты еще раз посмеешь тайком выносить добро из дома, чтобы кормить чужаков, я с тобой не на жизнь, а на смерть схвачусь!

— А твои родственники, значит, не чужаки? Тебе можно каждые три дня таскать добро своей родне, а мне родному племяннику помочь нельзя?

Видно, не желая окончательно терять лицо перед Цзычжоу, Чжуан Синьли в этот раз не отступил ни на шаг. Он спорил так яростно, что шея его покраснела, а жилы на ней вздулись.

— Мои родные меня родили, меня вырастили, так что плохого в том, что я им помогаю? Разве это одно и то же?

— А чем оно отличается?

— Ты!.. Тьфу, неохота с тобой связываться! — Сюэ Шэн в ярости подумал, что сведет счеты с мужем уже дома, а сейчас важнее всего — забрать добро.

Он схватил две одинаковые, искусно сшитые курточки и запихнул их себе за пазуху. Племянникам в его родной семье они будут в самый раз: одна — носить, другая — на смену. Е Цзюньшу поспешно отвел взгляд, подумав про себя, что этот «дядин муж» совершенно лишен стыда.

Лицо Чжуан Синьли стало мертвенно-бледным, грудь тяжело вздымалась. Сжав зубы, он попытался отобрать вещи:

— Это подарок от вайпо на их первый год! Если тебе так приспичило, попроси его, он и тебе сошьет, когда время будет. Да и разве мой покойный брат-гэр мало дарил вещей твоим детям при жизни? Тебе сердце не колет — брать это сейчас?

— Мечтать не вредно! На эти ткани нужны деньги! Много ты их зарабатываешь? Я забираю эти шмотки, и точка!

— Да имей же ты совесть! — ...

Видя, что старшие вот-вот перейдут от криков к драке, Е Цзюньшу потер виски. Он чувствовал смертельную усталость от этого балагана.

«Пусть забирает всё, только бы замолчал», — думал он. Больше всего он боялся, что крики напугают младших братьев.

Он уже хотел вмешаться и разнять их, как вдруг в дверях показался Мин-аму:

— Что тут за шум? На улице только вас и слышно! Соревнуетесь, у кого глотка лужёная?

Е Цзюньшу посмотрел на Мин-аму как на спасителя. Тот вошел с ледяным лицом, окинул взглядом беспорядок и недовольно процедил:

— Послушайте, родственнички из семьи Чжуан. Не мне вас учить, но устраивать такой вертеп в доме осиротевшего племянника — совесть-то есть? Даже если родителей Чжоу-цзы нет в живых, их духи всё видят!

Сюэ Шэна было не так-то просто напугать. Он подпер бока руками и язвительно бросил:

— А ты еще кто такой? Не суй нос в дела нашей семьи!

— Ха! — Мин-аму холодно усмехнулся. — На земле моей деревни Е обижать жителей деревни Е? Ты думаешь, у нас заступиться некому?

Когда два боевых гэра средних лет начинают перепалку — простым смертным лучше отойти подальше. Дядя и племянник, мгновенно вытесненные на обочину этого конфликта, лишь переглянулись. Е Цзюньшу, который никогда не умел ни скандалить, ни мирить скандалистов, просто стоял в стороне, размышляя, не стоит ли заглянуть в комнату к детям.

Чжуан Синьли, обливаясь потом, пытался вставить слово:

— Это недоразумение, чистое недоразумение...

Но его никто не слушал.

Тогда Синьли в отчаянии повернулся к племяннику:

— Цзычжоу, что же делать? Нельзя же им позволить так лаяться вечно...

Е Цзюньшу поднял глаза на дядю. Во взгляде того читалась не только неловкость, но и тревога за мужа — он боялся, как бы Сюэ Шэн не «проиграл» в этой ссоре.

И тут Цзюньшу окончательно осознал: как бы ужасно ни вел себя Сюэ Шэн, для дяди они — одна семья. Если Цзюньшу когда-нибудь проявит неуважение к цзю-му, между ним и дядей неизбежно вырастет стена.

Эта мысль не принесла разочарования — он принял её спокойно, будто давно знал.

— Дядя, пускай забирает вещи, — тихо сказал он. Когда подарок отдают со злобой, он не приносит радости. К чему это всё?

У Сюэ Шэна был на редкость острый слух. Переругиваясь с Мин-аму, он уловил слова племянника и тут же расплылся в улыбке. Мигом позабыв о ссоре, он подошел к Е Цзюньшу:

— Вот! Сразу видно, Цзычжоу понимает, что к чему. Человеку гордость иметь надо. Нельзя же просто так руки тянуть за чужим добром — так только нищие-попрошайки делают!

Лицо Е Цзюньшу на мгновение окаменело. Сдержав гнев, он заставил себя улыбнуться и мягко произнес:

— О? Значит, всё то добро, что мой аму годами возил в вашу семью, вы тоже не принимали? Видимо, он его просто выбрасывал на съедение неблагодарным волкам?

— Пха! Точно сказано! — расхохотался Мин-аму.

Именно что волки! Мама Е при жизни так заботился о родне, а теперь этот гэр топчется по голове его сына. Знал бы он — в гробу бы перевернулся.

Сюэ Шэн чуть не задохнулся от ярости. Ах ты, мелкий щенок! Тонко намекнул, что он либо попрошайка, либо волк неблагодарный!

Чжуан Синьли с потемневшим лицом и плотно сжатыми челюстями обратился к племяннику:

— Не нужно! Одежда и обувь сшиты твоим вайпо специально для вас, это его сердце. А зерно — это от меня. Его немного, но если экономить, на первое время хватит. Перед зимой я принесу еще.

— Чжуан Синьли! — взвизгнул Сюэ Шэн. — Зерно, которое я своими руками растил, отдаешь за

так, да еще и второй раз собрался?!

— Я всё сказал.

— А я не позволю! Слышишь? Не позволю! Попробуй только — я тебе устрою! — Сюэ Шэн внезапно обернулся к Е Цзюньшу, сверля его злобным взглядом. — Ах ты, паршивец, чем ты моего мужика опоил, что он за тебя так горой стоит? Смолоду интриги плетешь, не видать тебе доброй жизни!

— Не смей так говорить о моем брате! — едва Сюэ Шэн закрыл рот, как Лу-гэр маленьким снарядом вылетел из комнаты и со всей силы врезался в него.

Сюэ Шэн покачнулся и на рефлексе замахнулся для удара. Е Цзюньшу среагировал мгновенно: выхватил Лу-гэра, оттащил назад и закрыл собой, крепко прижав к груди. Его руки задрожали от гнева. Он даже бояться не успевал, лишь в голове стучало: что было бы с таким маленьким ребенком после удара тяжелой руки взрослого мужчины?

А Сюэ Шэн продолжал орать:

— Откуда в этом доме такая дрянь взялась, что на старших кидается? Сразу видно — никакого воспитания!

— У нас в доме нет вашего добра! Убирайся вон! — Лу-гэр яростно смотрел на обидчика, его глаза налились кровью от обиды и ненависти, казалось, он готов вцепиться в этого человека зубами.

Сюэ Шэну стало не по себе под этим взглядом, но осознав, что его напугал ребенок, он разразился еще более гнусными ругательствами.

Лицо Е Цзюньшу стало холодным как лед.

— Есть у Лу-гэра воспитание или нет — это забота его старшего брата. А вот вам не мешало бы вымыть рот с мылом. Раз претендуете на роль старшего в роду — ведите себя соответственно.

Как бы он ни уважал дядю, терпеть это дальше Цзюньшу не собирался. Одно дело — когда ругают его самого, но когда дело касается братьев... если бы он не успел перехватить руку...

— Это что же тут творится?! Взрослый человек поднимает руку на ребенка! Вы что, всерьез думаете, в деревне Е заступиться некому? — Мин-аму не успел среагировать, когда выскочил Лу-гэр, но теперь он встал стеной перед братьями, засучив рукава.

— Точно! Совсем страх потеряли, бесчинствуют тут!

Как по команде, во двор вбежали еще несколько деревенских аму и дядьев, окружив Е Цзюньшу защитным кольцом и недобро поглядывая на Сюэ Шэна.

— Что? Решили толпой на одного? — Сюэ Шэн попятился, но продолжал вызывающе кричать.

— На тебя одного? — Е-третий брезгливо окинул его взглядом. — Много чести будет.

— Тот, кто на детей руку поднимает, из нашей деревни на своих двоих может и не выйти, — пригрозил другой деревенский, который был покрупнее Сюэ Шэна.

— Он первый начал! Я просто защищался! К тому же, я его и пальцем не тронул! — оправдывался Сюэ Шэн, заметно растеряв спесь.

— Тьфу! Если бы ты хоть волосок на его голове тронул, мы бы тут с тобой не разговаривали! — рявкнул кто-то из толпы.

— Что за шум при детях? — В этот момент во двор вошел староста Жун-бо.

Его властный голос заставил всех замолкнуть. Он обвел присутствующих тяжелым взглядом и остановился на Чжуан Синьли.

— Дядя Чжоу-цзы, как бы там ни было, сегодня тебе не стоило устраивать здесь сцен и тем более позволять другим вести себя подобным образом. Предки хоть и ушли, но они всё видят. Представь, как горько им сейчас на тебя смотреть.

Чжуан Синьли опустил голову, раздавленный виной.

— Простите, староста. Я виноват перед братом и зятем. Я даже не смог проводить их в последний путь... мне стыдно перед ними...

Староста не ответил на его извинения, лишь холодно произнес:

— Этот балаган затянулся, и я уже понял суть дела. Дядя Чжоу-цзы, каково твое решение? Дай детям четкий ответ.

Чжуан Синьли посмотрел на Е Цзюньшу, но тот, низко склонив голову, был полностью занят тем, что успокаивал дрожащего в его объятиях маленького брата-гера, и даже не поднял взгляда.

Синьли дрожащими губами выдавил:

— То, что в корзинах — это дар от меня и вайпо. Перед наступлением зимы я принесу еще немного риса и зерна. От брата остались только эти дети, и я, как единственный дядя, обязан о них позаботиться.

— Ни за что! — взвизгнул Сюэ Шэн. Он уже набрал воздуха, чтобы снова начать скандал, но староста рявкнул так, что тот осекся:

— Замолкни! Когда мужчины говорят, тебе слова не давали. Если ты так и не научился правилам приличия, я сам наведаюсь в деревню Чжуан и потолкую с твоим старейшиной. Пусть он научит тебя, как подобает вести себя в гостях!

Сюэ Шэн, будучи по натуре человеком, который пасует перед силой, втянул голову в плечи и больше не смел пикнуть.

— Хм! — Староста холодно хмыкнул и перевел взгляд на Е Цзюньшу. — Чжоу-цзы, а ты что скажешь?

Е Цзюньшу, окруженный защитой деревенских старших, чувствовал, как бушевавший в груди пожар обиды понемногу затихает. Что ж, видимо, с родней ему не повезло. Отныне он будет поддерживать с семьей дяди лишь формальные отношения, не более.

— Дядя, — с вежливой грустью произнес он, — я не хочу, чтобы из-за нас в вашем собственном доме начался разлад. Прошу вас, заберите вещи обратно. Мы с братьями ценим ваши добрые намерения, но... сегодня наш дом не расположен к приему гостей. Если у вас больше нет дел — прошу, возвращайтесь.

— Слышал? — начал было Сюэ Шэн, но его тут же оборвали: — Заткнись!

Чжуан Синьли был вне себя от ярости на своего супруга. Из-за этого неразумного человека его родные племянники теперь отдалились от него!

— Если ты всё еще признаешь во мне дядю — прими эти вещи! — глухо, сдерживая боль, сказал он. — Я увожу этого человека, мы не будем вам больше докучать. Прости!

— Тебе же сказали — не надо! А ты всё суешь? — не унимался Сюэ Шэн.

— Домой! А ну марш домой! — Синьли сорвался на крик. Он схватил Сюэ Шэна за руку и потащил к выходу. Когда мужчина был по-настоящему в гневе, силы простого гера не хватало, чтобы вырваться, так что Сюэ Шэну пришлось ковылять следом, пока его буквально волокли за порог.

— Если еще хоть раз устроишь такое — уходи к своей родне и не возвращайся! — бросил напоследок Чжуан Синьли и в ярости покинул двор.

Сюэ Шэн в ужасе округлил глаза, а затем с криком бросился вдогонку:

— Что ты сказал?! Чжуан Синьли, а ну повтори, что ты сказал!..

<http://bllate.org/book/15226/1343898>